

Глава 1

Моя дорогая Бетти, пользуясь случаем, спешу сообщить тебе, что со мной все в порядке.

В этом месте письма рука непроизвольно дрогнула. Писать заведомую ложь оказалось нелегко.

Лорд Кимли был настолько любезен, что распорядился выделить мне отдельную комнату и снабдил всем необходимым.

Снова ложь. Себастиан ни на миг не отпускал меня от себя. Пятые сутки я делила с ним маленькую комнатку, в которой, кроме кровати, стола и пары стульев, больше ничего не было.

Завтра лорд Гарви отправляется в Клэриндж, и я упростила его передать тебе это письмо. Ты так волновалась о моем здоровье, дорогая Бетти, что я не могу не успокоить тебя — кашель уже прошел, и последствия лихорадки меня больше не беспокоят.

Очередная ложь. Я не сплю ночами, задыхаясь от выматывающих приступов, а ненавистный надзиратель равнодушно смотрит на мои мучения и брезгливо морщится, когда мы встречаемся взглядами.

Погода в Сториндже стоит хорошая, мы с лордом Кимли часто гуляем по окрестностям Стоун-парка, а вечерами сидим у камина и вспоминаем Кен.

Угу. Гуляем. Скорее, он выгуливает меня, крепко держа за руку и не позволяя отойти ни на шаг.

До отъезда остается чуть меньше суток. Совсем скоро за нами прибудет экипаж, и я покину свою любимую родину. Не переживай обо мне, милая Бетти. Я верю, что Провидение не оставит меня и даст возможность принести пользу новой родине.

Да, надеюсь... Надеюсь, что моя смерть будет не очень мучительной и ледяные пески Сарганы с радостью примут мое тело.

*Остаюсь любящая тебя
Анна Мария Кервуд, графиня Блэквуд.
Графство Сториндж, Брэнси, Стоун-парк.*

Я запечатала дрожащими руками конверт и подняла глаза на сидящего напротив мужчину. Высокий, крупный, темноволосый. Опасный. Он пристально смотрел на меня, и взгляд его был полон нескрываемого презрения.

— Я закончила, — произнесла я и протянула ему письмо.

— И что? Я должен прыгать от радости? — насмешливо поинтересовался надзиратель.

— Вы обещали, что лорд Гарви доставит его в Кен.

Голос дрогнул. Я так надеялась успокоить Бетти, дать ей надежду, заставить забыть мое позорное пленение. Если Себастиан передумает... Нет. Он не может. Он обещал. «Он много чего обещал, — напомнил внутренний голос. — Да только где все его обещания?»

Кимли поднялся со стула и навис надо мной грузной глыбой.

— Читайте, — развернув письмо, вручил его мне.

— Что?

— Читайте вслух, я хочу знать, что вы написали своей подруге.

Слово «подруга» он буквально выплюнул и скривился от омерзения. Да, Бетти помогала мне скрываться от нареченного, но разве заслужила она подобные презрение и ненависть? Если бы не Элизабет... Впрочем, что теперь говорить об этом? Все случилось так, как случилось.

— Дорогая Бетти, — тихо начала я.

Себастиан выслушал все до последнего слова. Лишь после того, как я замолчала, он взял меня двумя пальцами за подбородок и заставил поднять к нему лицо.

— Это письмо — последнее, что вы пишете на арсейском. Запомните, отныне вы должны писать и говорить только на саргском. И думать тоже. Если еще хоть раз я услышу от вас арсейскую речь — вы пожалеете об этом. Сильно пожалеете.

— Но...

— Молчите, — резко прикрикнул Кимли. — Вы слишком много болтаете. Лорд Торн не любит болтливых женщин.

Я сжала кулаки и сдержала рвущееся наружу возмущение. Нельзя. Не стоит показывать характер. Хотя какая разница, где меня убьют? Здесь ли или на чужбине? Строптивые жены никому не нужны, это я уже успела усвоить. Себастиан хорошо постарался. Потрогав разбитую губу, я опустила голову и покорно промолчала.

* * *

Ночь прошла скверно. Кашель сотрясал тело, выворачивая нутро наизнанку, и лишь под утро я забылась тяжелым, как ватное одеяло, сном. А когда проснулась и попробовала подняться, то поняла, что не в силах пошевелиться. С трудом повернула голову и окинула взглядом комнату в поисках своего мучителя. Кимли нигде не было. Покои тонули в сумерках, и одинокая свеча, тихо потрескивающая в потертом бронзовом канделябре, почти не рассеивала эту тьму.

— Тиан, ты заигрался.

Незнакомый голос заставил насторожиться.

— Не вмешивайся, Корс, — тихо ответил Себастиан.

— В следующий раз я могу и не успеть, — предупреждающе проворчал неизвестный. — Ты уверен, что справишься?

— А что еще мне остается?

Я удивилась, услышав в интонациях Кимли неподдельную грусть. Надо же, оказывается, мой железный надсмотрщик умеет не только злиться.

— Если она погибнет...

— Замолчи! — рявкнул Себастиан. — Она не погибнет. Она не может погибнуть!

— Дело твое, только вряд ли Артур обрадуется, когда...

— Тихо, — неожиданно цыкнул на незнакомца Кимли.

Дверь резко распахнулась, и мой мучитель стремительно вошел в комнату. Подхватив со стола свечу, он подошел к кровати и склонился надо мной, пристально вглядываясь в лицо. Я не успела отвернуться.

— Очнулись, леди Анна? — вежливо спросил Себастиан, и в его голосе мне послышалось искреннее участие. — Как вы себя чувствуете?

Я оторопела от подобного обращения, но отвечать не спешила. Молча смотрела на Кимли, осознавая, что лежу не на

полу, а на кровати и подо мной не старое тряпье, а чистое, белоснежное белье.

— Голова болит? — продолжал спрашивать мой надсмотрщик, а я глядела на него и не могла понять, что происходит.

— Миледи, я оставил вам микстуру, — заговорил от двери незнакомец, которого я так и не смогла разглядеть в темноте. — Если вы будете принимать ее три раза в день после еды, то от вашего недомогания скоро не останется и следа.

После еды, говорите? Трижды? Ну-ну! А как быть, если хлебку мне приносят раз в сутки?

Я постаралась не показывать своего недоверия и тихо поблагодарила неизвестного:

— Спасибо за заботу, рэй.

— Надеюсь, вы скоро поправитесь, — деликатно заметил мужчина. — Я пойду, Кимли. Если что, зови. Леди Анна.

Он поклонился и закрыл за собой дверь, а я напряглась, ожидая неминуемой развязки. То, что Себастиан разыгрывал фарс при постороннем, было очевидно. А теперь он сполна заставит меня расплатиться за это.

— Повернитесь на бок, ко мне спиной, — велел Кимли.

Сцепив зубы, выполнила его приказ, внутренне приготовившись к боли. Главное, не кричать. Только как же страшно это ожидание, когда не знаешь, в какую секунду тело обожжет ослепляющая вспышка!

Мягкое прохладное прикосновение заставило вздрогнуть. Осторожные движения почти не причиняли неудобства, лишь в тех местах, где кожа была стерта до костей, мазь, которую наносил Себастиан, вызывала легкое жжение. Слезы помимо воли потекли из глаз. Пытки, лишения и издевательства не смогли заставить меня плакать, а невольная ласка мучителя в одно мгновение приглушила привычную ненависть и сделала слабой.

— Тихо. Сейчас вам станет лучше, — еле слышно прошептал Кимли.

Он легко касался моей израненной спины, а я безмолвно давилась слезами.

Закрыв лицо руками, попыталась приглушить раздающиеся всхлипы, но не выдержала и громко расплакалась. Впервые за время моего позорного пленения.

— Тшш. Все позади. Все хорошо. Вам больше не будет больно.

Себастиан осторожно привлек меня к себе и обнял. Он гладил мои косы, а я не могла остановиться, меня душили рыдания. Те ужас и боль, что скопились в душе, разом нашли выход,

и я ничего не могла поделать. Рубашка Кимли давно уже промокла от моих слез, а он все проводил рукой по моим волосам, и у меня не было сил отстраниться.

— Тихо, миледи. Тихо.

Горячие губы коснулись шеи, а руки осторожно потянули стянутые тесемки рубашки, пробираясь под лиф и нежно касаясь груди.

— Что вы делаете? Нет! Не надо!

Я возмущенно отстранилась. Ни один мужчина не касался меня так. Никто, кроме будущего мужа, не имел права ласкать мое тело. Когда Кимли наблюдал, как меня избивают, или сам поднимал на меня руку — я терпела. Когда он издевался надо мной, перечисляя те ужасы, что ждут меня на Севере, я только сильнее стискивала кулаки и молчала. Но когда он посягнул на мое тело... Нет. Я не собиралась терпеть.

— Не трогайте меня! Вы не имеете права.

Я вскинула голову и наткнулась на пылающий взгляд синих глаз.

— Вот как вы заговорили, миледи? — процедил Себастиан. — Стоило только позволить вам поваляться в постели, как вы вспомнили свои графские замашки и возомнили, что вам все позволено?

Он пристально посмотрел на меня и коротко приказал:

— На колени!

Я не сдвинулась с места.

— Я сказал, на колени!

Мне неожиданно стало все равно, что со мной будет. Пусть хоть убьет!

Резкая пощечина заставила прикусить губу.

— Не хотите, чтобы было больно? — Себастиан грозно навис надо мной.

— Нет, — едва слышно прошептала я.

— Тогда не смейте мне перечить! — Он гневно уставился на меня, дожидаясь, пока я сползу на пол и встану на колени.

Сползла. Встала. Попробовала бы не встать! Чистое постельное белье, обшитое кружевами, издевательски маячило перед лицом, напоминая о прошлом. Не плакать. Только не плакать...

Я подняла голову и посмотрела на Кимли. Лицо его окаменело, глаза горели холодным синим пламенем, на щеках выступил отчетливый морозный узор. Ледяной маг! Меня буквально пригвоздило к полу. Только не это! Самые изощренные пытки — детский лепет по сравнению со злостью Истинного!

— Ты меня поняла? — грозно произнес Себастиан.

— Да.

— Да, лорд Кимли, — напористо подчеркнул он. — Повтори.

— Да, лорд Кимли, — покорно выговорила я.

— Давно бы так!

Себастиан сделал короткий пасс, и боль в спине немного притупилась. Я подняла глаза на своего мучителя и не смогла сдержать судорожный вздох. Вместо грубого мужлана напротив стоял совсем другой человек. Высокий, в изящном сером костюме и с распущенными светлыми волосами, волной спадающими на украшенный серебром камзол, он казался полной противоположностью моего надсмотрщика. В его ярких синих глазах застыла безнадежная тоска, черты тонкого породистого лица дышали печалью, а на губах застыла горькая улыбка.

— Кто вы? — Голос от волнения сел. Голова странно кружилась, все вокруг расплывалось, подернутое снежной поземкой, но я из последних сил вглядывалась в прекрасное лицо и не могла понять, правда ли его вижу, или это всего лишь плод моего измученного воображения?

— Леди Анна! — Единый, сколько боли и надежды прозвучало в низком бархатистом голосе! — Неужели вы...

Договорить незнакомец не успел. Его глаза ярко блеснули, и я тут же увидела хорошо знакомое мне лицо надзирателя.

— Что уставились? — грубо спросил Кимли.

И столько ненависти и злобы прозвучало в его словах, что я пошатнулась и, не удержавшись, осела на пол.

— Что ж, наконец-то вы осознали, где ваше место, миледи, — криво усмехнулся Кимли, выделив последнее слово, и вышел из комнаты, а я осталась сидеть на полу, с ненавистью глядя ему вслед.

* * *

Себастиан не появлялся до самого вечера. Лишь когда окончательно стемнело, в замке повернулся ключ и дверь распахнулась настежь. Кимли прошел к окну, у которого я сидела, и положил на стол большой плотный сверток. Развернув его, молча кинул мне на колени темное платье из шертамской шерсти, закрытые ботики и чулки.

— Одевайтесь, — не глядя на меня, отрывисто бросил Себастиан. — И поторопитесь. Через полчаса мы выезжаем.

Подгоняемая его тяжелым взглядом, я быстро натянула платье, благо сорочка, в которую меня переодели во время недол-

гого беспамятства, была чистой. Потом отвернулась, надела чулки и зашнуровала дорожные ботики.

Кимли нахмурился, подхватил мешок, открыл дверь и посторонился, пропуская меня вперед. В темном коридоре было безлюдно. Впрочем, как и всегда. Хозяйка дома, в котором мы остановились, почти не выходила из своих покоев, оправдываясь плохим самочувствием, а слуги тщательно избегали встреч со мной, но если уж встречались во дворе, когда Кимли выводил меня на прогулку, то старательно отводили глаза.

Мы миновали небольшой холл и вышли во двор. Я поежилась от холода. Платье, хоть и шерстяное, совсем не защищало от вечерней прохлады. Экипаж уже ждал нас у ворот. Кучер помог мне забраться внутрь, Кимли легко вскочил следом, занял место напротив и крикнул вознице:

— Трогай!

Карета неохотно дернулась и загрохотала по камням мостовой, а я уставилась в окно, наблюдая, как остаются позади окраины Брэнси. Темные особняки с окнами, наглухо закрытыми железными ставнями, мрачные дворики, глухие заборы. Дома походили на своих обитателей, замкнутых, молчаливых, нелюдимых. Жители близкого к Северу графства Сториндж видели многое, но, наученные опытом былой войны, предпочитали ни во что не вмешиваться.

Вскоре карета миновала последние городские лачуги и съехала на проселочную дорогу. Я напряженно смотрела на виднеющиеся вдаль деревья. Стоунский лес. Густой, дремучий, опасный. До границы оставалось чуть меньше нескольких переходов. Если бы мне представился удобный случай...

— Даже не думайте, — словно подслушав мои мысли, лениво протянул Себастиан, поигрывая тонкими наручниками из ирвия.

Я вздрогнула, разглядывая блестящий металл, лишаящий человека воли. Откуда у Кимли подобная мерзость? На территории Альянса он давно запрещен. В душе взметнулась отчаянная ненависть. Неужели Кимли посмеет заковать меня в постыдный металл?

Мне не хотелось верить в подобную извращенную жестокость. Да, Себастиан издевался надо мной, бил, морил голодом, но ирвий... О боги, сжальтесь! Лучше смерть!

— Я не буду пытаться сбежать, — глядя на своего мучителя, тихо пообещала я. — Не нужно наручников.

— Что ж, надеюсь на ваше благоразумие, — хмыкнул Себастиан и убрал звякнувшие браслеты в мешок.

Больше мы не разговаривали. Кимли вольготно развалился на сиденье, а я забила в угол, стараясь не шевелиться и не привлекать внимания. Отсутствие боли было непривычно, и мне до сих пор не верилось в происходящее. Чистое белье, приличное платье, удобные ботики. Я выглядела как настоящая леди, правда, радоваться этому не спешила. Кто знает, что еще придумал ненавистный мучитель?

* * *

К утру мы миновали Уэсскую заставу и въехали в графство Келл. Нищие лачуги, озлобленные лица жителей, тощие, заморенные дети — в приграничье селились самые отчаянные бедняки и те, кому больше нечего было ждать от жизни. Сердце болезненно сжалось.

— Посмотрите на этих несчастных, леди Анна, — вкрадчиво сказал Кимли. — Когда-то у них была возможность перейти под покровительство Севера, но они гордо отказались. Видите, к чему это привело?

Я дернулась, но сумела удержать готовые сорваться с языка гневные слова. Нет. Кимли не дожидается от меня очередной ошибки. Хватит и тех, что уже совершила.

Карета заскрипела и остановилась. Себастиан чуть подался вперед, глядя на меня с непонятым ожиданием.

— Молчите? Неужели я наконец-то вижу покорность? — неверяще протянул Себастиан. — Bravo, миледи! Вы меня приятно удивили.

В его взгляде засветилась насмешка, и мои благие намерения полетели к доргу:

— Однажды вы ответите за все мои унижения.

Я уставилась в жестокие глаза, а Кимли как-то грустно хмыкнул и тихо пробормотал:

— Очень может быть, миледи. Очень может быть. — Словно забывшись, он коснулся рукой лба и еле слышно добавил: — Боюсь, еще не раз пожалею о том, что узнал вас.

Я непонимающе смотрела на своего надзирателя, но тот уже пришел в себя и резко прикрикнул:

— Долго собираетесь сидеть? На выход, живо!

Он подтолкнул меня к дверце, я спустилась с подножки и оказалась среди улюлюкающей толпы. Дурно одетые мужлань тянули ко мне руки, кричали и гоготали, а я с ужасом смотрела в их грязные, пропитые лица и не могла сдвинуться с места.

— Ты гляди, какая милашка! — мерзкий старикашка, стоящий ближе всех, попытался ухватить меня за юбку. — Давненько в наших краях таких красоток не было!

— Пошли прочь, ублюдки! — Кимли, прыгнув на землю, презрительно посмотрел на собравшийся сброд.

— Простите, сиятельный рэй, — подобострастно склонился перед Себастианом старикашка. — Мы не знали, что она ваша собственность.

Меня обожгло стыдом и яростью. Никогда раньше не испытывала подобного. Я, графиня Анна Блэквуд, стою перед толпой черни, и наглые смерды смеют оскорблять меня, а тупоголовый болван, возомнивший себя богом, этому потворствует!

— Вы что себе позволяете? — едва сдерживаясь, гневно спросила у распоясавшихся мужланов.

— Ой, гляди, шлюха вообразила себя графиней! — мерзко захихикал толстый краснолицый мужик. — Вот потеха-то!

— Живо за мной, — рявкнул Себастиан и дернул мою ладонь. — А вы, оборванцы, уберите от нее руки! Эта цыпочка не для таких, как вы. Хотя, — он окинул меня задумчивым взглядом, — когда надоест, может быть, и позволю вам ее приласкать.

— Благородный рэй, мы будем ждать, — рискнул выкрикнуть молодой парень с мрачной бандитской рожей. — После господ и объедки сладкие!

Толпа заулюлюкала, а я сжалась, представив, что меня ждет. Боги, нет. Кимли не посмеет.

— Пошевеливайтесь, — заметив мой взгляд, тихо произнес Себастиан. И я даже спорить не стала — самой хотелось как можно быстрее оказаться в безопасности таверны.

Мы вошли в темное обшарпанное помещение и двинулись к свободному столику.

— Жаркое для меня и похлебку для рэйи, — не слушая призывов хозяина, распорядился Себастиан, отодвигая стул и дожидаясь, пока я усядусь.

Иногда мне казалось, что в Кимли уживаются два противоположных человека — он мог избить меня, называя дрянью и шлюхой, а уже спустя пару минут галантно подавал руку и вежливо обращался «миледи». Подобная двойственность сбивала с толку, мучила, порождала бесконечные вопросы и бесплодные надежды. Порой мне казалось, что все происходящее — просто дурной сон, а сидящий рядом мужчина — плод моего воображения. Ну не может же все это происходить в ре-

альности?! И моя помолвка, и последующий побег, и мрачные подвалы замка Оллен, и жестокий надзиратель, снова и снова уничтожающий во мне чувство собственного достоинства: извращенно, изуверски, безжалостно. Оглядевшись вокруг, я вздрогнула. На миг мне показалось, что мрачный зал стал шире и светлее, лица обедающих людей выглядели благостными и спокойными, а скатерти на столах — белыми и накрахмаленными.

Я перевела взгляд на Кимли и вздрогнула. Снова тот человек! Это что, мираж? Почему я его вижу? Сидящий напротив мужчина был одет в щегольский, шитый серебром камзол, а его растрепанные темные волосы неожиданно посветлели и оказались уложены в аккуратную прическу. Незнакомец откровенно смотрел в окно, и в глазах его застыло уже знакомое мне безнадежное отчаяние. Сердце тоскливо заньло.

— Себастиан, — бессознательно подавшись к своему сопровождающему, прошептала я.

Кимли медленно повернулся, во взгляде его мелькнуло удивление, и в ту же секунду все изменилось. Мрачный зал с грязными столами, гул голосов, крики и визгливый смех, вонючая похлебка с крупными каплями жира. И мужчина — в темном, наглухо застегнутом камзоле, со стянутыми в небрежный хвост волосами и холодными синими глазами. Мираж исчез, оставив после себя безнадежную действительность.

— Вы что-то сказали, миледи? — мрачно поинтересовался Себастиан, доедая жаркое.

— Нет, — отрицательно качнула головой.

— Ешьте, миледи, до вечера остановок больше не будет.

Я зачерпнула зловонное варево и попыталась его проглотить. Ну и запах! Такую гадость даже нищий есть не станет. Переборов отвращение, с трудом проглотила пару ложек. И пусть разумом понимала, что до следующего обеда еды мне не видать, но желудок, как и всегда, упорно протестовал против подобной пищи.

— Смотрю, вы не особо проголодались? — иронично спросил Себастиан. — Что ж, тогда мы можем продолжить наш путь.

Я молча отодвинула миску и поднялась.

— И когда вы уже поймете, что гордость — не лучшее качество? — хмыкнул Кимли, вставая из-за стола и бросая на грязную скатерть пару монет.

«Никогда», — про себя ответила я, но вслух ничего не сказала.

Глава 2

До самого вечера мы не обмолвились ни словом. Себастиан равнодушно смотрел в окно кареты, а я, не в силах видеть перед собой ненавистное лицо мучителя, закрыла глаза и притворилась спящей. Ах, если бы я и правда могла уснуть! Уснуть и забыть обо всем. Но нет. Мысли о будущем не оставляли, и я, задумываясь о том, что меня ждет, понимала, что долго не протяну. Рано или поздно Кимли сломает меня окончательно. Искорежит, превратит в послушную, безвольную куклу, убьет то живое, что еще остается, и отдаст своему сводному брату. Такому же бесчувственному ублюдку, как и все остальные северяне.

Эта мысль заставила стиснуть руки. Я выдержу. Меня не сломить ни Кимли, ни Северу. Я все вынесу и однажды обязательно найду возможность отомстить.

Время тянулось медленно. Тяжелые чувства одолевали все сильнее, и я, не выдержав их напора, открыла глаза и уставилась в окно. Лучше бездумно наблюдать за скудной природой приграничья, чем пытаться найти выход из безнадежной ситуации. В то, что мне удастся обмануть Себастиана и где-нибудь спрятаться, я больше не верила. От Истинного скрыться практически невозможно, он сумеет найти в любой точке Арсеи и за ее пределами. Жаль, что я не знала этого раньше, может, избежала бы тех унижений, что пришлось испытать, когда меня поймали.

Колеса уныло скрипели в такт моим нерадостным мыслям, мимо проносились безлюдные земли, а из низкой серой тучи сыпались редкие снежинки. Они липли к оконному стеклу и тут же превращались в печальные мокрые потеки. Казалось, сама природа не верит в благоприятный исход моего путешествия, провожая слезами и тоскливым воем ветра. В карете заметно похолодало. Я зябко поежилась и посмотрела на своего надсмотрщика. Кимли все так же неподвижно сидел напротив и глядел прямо на меня. Под его немигающим взглядом стало еще холоднее. О чем думает этот страшный человек? Что опять замышляет его безжалостный разум?

— К рассвету доберемся до Нойны, — неожиданно сказал Кимли, но прозвучало это так, словно он говорил сам с собой.

Неужели наше путешествие подходит к концу? Помню, бабушка рассказывала, что путь в северные земли открывается только на рассвете. Никто не знал почему, но великую реку северян удавалось переплыть лишь с первыми лучами солнца.